

ника Белинского, то примешивалось еще подозрение в какой-то непонятной непоследовательности, «литературном капризе», как выразился Лавров.

Непривычным для слуха современником было и само сопоставление Дон-Кихота с Гамлетом. Традиционно Дон-Кихот сопоставлялся с Санчо Пансой, и в столкновении этих персонажей, в наличии самой «дон-кихотской пары» виделась глубочайшая мифологическая ситуация нового времени («Дон Кихот и Санчо Панса суть мифологические лица для всего культурного человечества...» [14, с. 385]). Ее основа — столкновение высокого и низкого, поэзии и прозы, идеального и реального, героя и толпы (фона), ведущего и ведомого. Иначе говоря, «объекты» сравнения были заведомо неравны и неравноценны. Тургенев, «разорвав» «дон-кихотскую пару» и сопоставив главного героя Сервантеса с Гамлетом, выравнивает «объекты» сравнения. Оба они равнозначны в идеологическом, ценностном смысле. У Тургенева нет персонифицированного выражения косной силы, фона, подчиненной массы. Если он и говорит о Гамлете как начале «косности» и о Дон-Кихоте как начале «движения», то лишь в относительном, а не в абсолютном смысле: в определенные моменты Гамлеты нужны истории не меньше, чем Дон-Кихоты, уступающие им роль застрельщика и двигателя общественных процессов.

3

Весь смысл тургеневского сравнения — в равенстве его объектов. В равенстве, которое перекрывает любые авторские симпатии или пристрастия. Последние остаются на уровне субъективных подразумеваний, нередко даже выводимых из внетекстового материала (данных биографии Тургенева, анализа его классовых и политических симпатий); равенство же персонажей вытекает из их функции и взаимного отношения. У каждого из них — своя сила и своя ограниченность.

«Что выражает собою Дон-Кихот?.. Веру прежде всего; веру в нечто вечное, незыблемое, в истину, одним словом в истину, находящуюся *вне* отдельного человека... Дон-Кихот проникнут весь преданностью к идеалу, для которого он готов подвергаться всевозможным лишениям, жертвовать жизнью; самую жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала, к водворению истины, справедливости на земле» [1, т. 8, с. 173].

Но если Дон-Кихот воплощает «прежде всего» веру, то где гарантия справедливости его идеала? Неужели Тургенев не знал, куда заводит одна вера; не видел, что встречаются и фанатики несправедливости? Подозревать писателя в подобной односторонности было бы слишком наивно; тем более, что он сам упоминал о существовании Дон-Кихотов, «умирающих за... грубое и часто грязное нечто» [1, т. 8, с. 181]. Независимо от конкретного адреса оговорки (считается, что Тургенев имел в виду западноевропейских революционеров), она не ставит под сомнение саму «веру» Дон-Кихота, так сказать, пафос этого персонажа.

Достоевскому принадлежит мысль: нужно не только то, чтобы человек поступал искренне, в соответствии со своими убеждениями, но чтобы он постоянно спрашивал себя, справедливы ли эти убеждения. В стилизованном под сервантесовский роман эпизоде из «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский как бы специально показал, что значит принимать фантастическую посылку: Дон-Кихот, задумавшись над тем, как удавалось героям рыцарских романов в одиночку справляться с целыми армиями, приходил к ответу: «Я полагаю, что эти армии состояли не совсем из таких же людей, как мы, например». Люди эти были «наваждением»; тела их более походили на тела «слизняков, червей, пауков»; следовательно, и меч рыцаря «проходил по ним мгновенно, почти без всякого сопротивления, как по воздуху» [18, с. 254—255] (см. также [19, с. 126—135; 20, с. 45—46]). Дон-Кихот